

Абсолютное большинство среди занятых личным подсобным хозяйством составляли женщины. В уральских колхозах на них приходилось около 93–96% работающих в своих подсобных хозяйствах. Как правило, это были многолетние женщины, а также неработающие в общественном производстве по состоянию здоровья или по причине преклонного возраста. На фоне уменьшения абсолютной численности колхозного населения уральских областей протекали основные структурные процессы, выразившиеся, во-первых, в выравнивании мужского и женского контингентов, а во-вторых, в нежелательной деформации возрастного состава за счет снижения удельного веса лиц в рабочем возрасте и возрастания — в пенсионном. Такая динамика свидетельствовала о наметившемся «старении» уральской колхозной деревни и нормализации половой структуры ее жителей.

*А.В. Антошин
(Екатеринбург)*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ УДМУРТИИ В ТИСКАХ ДИКТАТУРЫ «ЛЕВОГО БЛОКА» В КОНЦЕ 1917 — СЕРЕДИНЕ 1918 гг.

Проблема положения предпринимателей в условиях становления Советской власти на Урале давно изучается исследователями. В советское время вопрос о национализации уральской промышленности рассматривался в работах А.П. Абрамовского, В.В. Адамова, Ю.А. Буранова, Г.Г. Гараева и других авторов. Эта проблема находилась и в центре внимания А.В. Бакунина¹. Однако до начала 1990-х гг. данный вопрос рассматривался под таким углом зрения, что в основное внимание уделялось государственной политике по отношению к уральскому бизнесу, который нередко становился ее бессловесным объектом, а сама линия поведения власти изучалась аллопатетически. Ситуация изменилась в 1990-е гг., когда Н.Н. Попоов, Д.В. Бугров, В.В. Московкин и другие подвергли политику красного террора резкой критике. Однако, острее этой критики постоянно направлено против большевиков, хотя, как справедливо отмечает М.И. Люхуздзас, первые полгода Советскую власть осуществлял «левый блок», в который наряду с большевиками входили и их союзники — левые эсеры, эсеры-максималисты, некоторые анархисты².

Эта ситуация хорошо иллюстрируется на примере Удмуртии. Известно, что она в социально-экономическом плане делилась на 2 района — Ижевско-Воткинский и Сарапульско-Камбарский. И в том, и в другом районах в 1917–1918 гг. было исключительно велико влияние эсеров-максималистов. Хорошо известно, что в Камбарке произошел едва ли не уникальный случай — Советская власть здесь была установлена не большевиками (организации которых к октябрю 1917 г. в заводском поселке просто не было), а эсерами-максималистами³. Под их влиянием находились и некоторые отряды Красной гвардии в населенных пунктах края. Поэтому они разделяют с большевиками ответственность за ситуацию в регионе.

К октябрю 1917 г. наиболее значительными и организованными были торгово-промышленные круги Сарапула. Их основным корпоративным объединением был Торгово-промышленный комитет, а в политическом отношении многие из местных предпринимателей примыкали к партии кадетов. Осенью 1917 г. они до конца боролись против свержения здесь структур Временного правительства: реорганизовали милицию, пожертвовали на охрану города 115 тыс. рублей и т.д.⁴ Однако их усилия не увенчались успехом, и установившаяся в городе Советская власть первой ударила именно по ним. Уже в январе 1918 г. был арестован Красной гвардией вроде бы пытавшийся скрыться крупный сарапульский купец В.Ф. Ныров, причем ордера на его арест выдано не было. Но по дороге ему удалось бежать от конвоя. Арестам подверглись и коллеги В.Ф. Нырова — С.П. Зяблицын и И.И. Бородин, но затем они были отпущены. А известного сарапульского промышленника Л.Ф. Пешехонова освободили после ходатайства рабочих его фабрики⁵.

Одной из наиболее ярких черт т.н. «красногвардейской атаки на капитал» стала политика обложения буржуазии чрезвычайными революционными налогами. На наш взгляд, необходимо подчеркнуть, что она не столько инспирировалась сверху, сколько выражала настроения рядовых красногвардейцев и руководства местных Советов. Весной 1918 г. ВСНХ неоднократно посылал на места директивы об отмене контрибуций, недопустимости самочинных реквизиций со стороны отрядов РККА. Указывалось также, что право национализировать предприятия имели только ВСНХ и СНК, а не местная власть⁶. Однако ВСНХ было крайне трудно бороться с той револю-

ционной стихией, которая захлестнула Россию в 1917–1918 гг. И немалую роль в этом играли союзники большевиков по «левому блоку». Так, орган возглавляемого эсером-максималистом Сарапульского уездного исполкома Совета — газета «Труженик» в марте 1918 г. призвала: «Не кладите бешеному пальца в рот, не опускайте узды, не спускайте зорких глаз с врагов трудового народа». Конкретные предложения сарапульских максималистов сводились к обложению капиталистов единовременным налогом на военные нужды в 500 рублей и требованию от всех плательщиков подоходного налога немедленной уплаты половины годового налога⁷.

Не отставали от своих товарищей и руководители Елабужского Совдепа. Здесь обложение буржуазии налогом дошло до такой степени, что на заседании местного СНК даже обсуждался вопрос о том, чтобы требовать только «наличные», а то «буржуазия бежит в казначейство и скоро в нем не останется ни копейки». В газете местного Совдепа настойчиво внедрялась мысль: «Мы с буржуазией еще не покончили. И это задерживает рост трудовой чести среди пролетариев»⁸. Аналогичной была весна 1918 г. и ситуация в других уездах Вятской губернии. Так, в Орловском уезде капиталистов обложили налогом в 125 тыс. рублей. Причем тон здесь зачастую задавали опять же союзники большевиков по левому блоку. Так, на II Вятском губернском съезде Советов в апреле 1918 г. анархист Локтин заявил: «Империалистическая война уже кончена, но война против буржуазии далеко не кончена»¹⁰.

В то же время специфика ситуации состояла в том, что в первые месяцы Советской власти продолжали существовать корпоративные организации предпринимателей — торгово-промышленные комитеты. Именно они, например, в Глазове осуществляли разверстку чрезвычайных налогов¹¹. Тем не менее период «красногвардейской атаки на капитал», осуществлявшейся в Удмуртии, как и в целом по России, левым блоком, был временем тяжелых испытаний для местных предпринимателей. Временная передышка для них наступила в августе 1918 г., когда власть в Удмуртии перешла в руки Прикамского Комитета членов Учредительного собрания.

Примечания

⁷ См.: Алексеев С.Е. История создания и функционирования органов управления промышленностью Урала в 1917 — середине 20-х гг. в отечественной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2002. Л. 13–20.

⁸ См.: Люхуцаев М.И. Левые эсеры в политической жизни Урала в 1917–1918 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2001.

⁹ Дмитриев П.Н. Установление Советской власти в Удмуртии // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. С. 412.

¹⁰ Кама. Сарапул, 1917. 3 нояб.

¹¹ Воля. Сарапул, 1918. 18, 25, 31 янв., 8 марта.

¹² Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 139. Л. 589, 644, 694.

¹³ Труженик. Сарапул, 1918. 5 марта.

¹⁴ Народная воля. Елабуга, 1918. 15 апр., 12 мая.

¹⁵ ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

¹⁶ ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 139. Л. 217.

¹⁷ ГАКО. Ф. Р-875. Оп. 1. Д. 139. Л. 217.

*М.А. Бочкарев
(Екатеринбург)*

К ВОПРОСУ О РЕАБИЛИТАЦИИ ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Проблема реабилитации жертв политических репрессий занимает особое место в работе Управления Федеральной Службы Безопасности по Свердловской области, поскольку одна из главных задач органов — вернуть доброе имя безвестно расстрелянных в годы политических репрессий, рассказать родственникам об обстоятельствах гибели их родных и близких. Пик политических репрессий пришелся на 1937–1938 гг., основанием для них послужил оперативный приказ № 00447 Наркома Внутренних Дел СССР Н. Ежова «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», которым была установлена разнарядка на репрессии. В течение 4-х месяцев 1937 г. планировалось репрессировать только по Свердловской области 10 тыс. человек, что и было выполнено. Под репрессии попало значительная часть интеллигенции, занимавшей руководящие посты. Впоследствии все они были реабилитированы.

Арест и осуждение первого секретаря Свердловского обкома ВКП (б) И.Д. Кабакова вызвал шквал арестов партийных руководителей области всех уровней. Были арестованы и осуждены первые секретари ГК ВКП(б) гг. Свердловска и Нижнего Тагила М.В. Кузнецов и Ш.С. Окуджава. По так называемому делу «Промпартии» были репрессированы 18 руководителей крупных уральских предприятий: среди них директор военного завода № 63